

Костромской государственной историко-архитектурной
и художественной музей-заповедник

МУЗЕЙНЫЙ ХРОНОГРАФ 2012

Кострома
2012

УДК 006.9(471.317)

ББК 79.1

М 895

Рекомендовано к печати Ученым советом
Костромского государственного историко-архитектурного
и художественного музея-заповедника

Редакционная коллегия:

Н. В. Павличкова (гл. ред.), И. С. Наградов (отв. ред.),

О. Н. Румянцева (секретарь)

М 895 Музейный хронограф 2012. Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника / ОГБУК «Костромской музей-заповедник». – Кострома: Костромаиздат, 2012. – 200 с.

Третий выпуск «Музейного хронографа» знакомит читателей с новыми исследованиями в области истории и культуры Костромского края. Статьи распределены по традиционным разделам: «Из истории костромского края», «Музейное собрание Костромского музея-заповедника», «Художественное творчество в жизни костромской земли», «Публикация исторических источников из собрания Костромского музея-заповедника».

Для широкого круга читателей.

УДК 006.9(471.317)

ББК 79.1

Научное издание

Музейный хронограф 2012

Сборник статей и материалов сотрудников Костромского музея-заповедника

Художественный редактор И. Ю. Соглачаева

При подготовке издания использованы фотографии
из собрания Костромского музея-заповедника

Подписано в печать 20.09.2012. Формат 60х90/16. Гарнитура Times New Roman
Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 100 экз. Заказ № 142

ООО «Костромаиздат». 156000, г. Кострома, ул. Горная, 20а. (4942) 31-61-30

© ОГБУК «Костромской музей-заповедник», 2012

© И. Ю. Соглачаева, оформление

© ООО «Костромаиздат»

Семёнова А. В.,
старший научный
сотрудник отдела хранения
Костромского музея-заповедника

ЗАГАДКА МОНАХИНИ АРКАДИИ

«Материалы для определения личности таинственной пучежской странницы Варвары Мироновны Назарьевой или инокини Аркадии», хранящиеся в фонде документов Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (КМЗ КОК-25109), представляют собой очерк, подготовленный к публикации еще в начале XX века. Авторство принадлежит Леониду Георгиевичу Гардеру, личность которого, неуказанная в тексте, установлена по косвенным данным – месту и времени его службы, а также по контексту прилагающейся к документу переписки автора.¹

Л. Г. Гардер родился в 1866 году, окончил в Санкт-Петербурге университет и Лесной институт, затем служил в главном управлении уделов (это ведомство осуществляло управление финансами, зданиями и имениями, выделенными из государственных средств и имуществ на содержание императорской фамилии); с 1896 года являлся управляющим 11-м Боярско-Ловыгинским удельным имением Нижегородского удельного округа.

В своей работе Л. Г. Гардер обращается к загадочной личности жительницы посада Пучеж, входившего до 1918 года в состав Костромской губернии – В. М. Назарьевой, известной под именем монахини Аркадии. Предположение о том, что она была знаменитой

---

¹ Рукописные приложения: копии указов Костромской духовной консистории от 2 июня 1796 года, 23 июля 1804 года и 19 августа 1827 года; описание портрета преподобного Серафима Саровского, принадлежавшего монахине Аркадии и приобретенного Л. Г. Гардером 17 марта 1903 года у пучежского мещанина П. П. Проскурякова. К очерку приложены письма Л. Г. Гардеру священника Николая Свирского от 22 декабря 1917 года, священника Капитона Дроздова – без даты, предположительно (по тексту вышеуказанных приложений) 1910 года, настоятеля Саровской пустыни игумена Иерофея от 6 апреля 1904 года, Л. И. Денисова (впоследствии епископа Арсения) от 17 марта 1905 года, настоятельницы Серафимо-Дивеевского монастыря игумении Марии от 30 апреля 1904 года.

княжной Таракановой – дочерью императрицы Елизаветы от тайного брака с графом А. Г. Разумовским – имело хождение в XIX столетии и нашло отражение в печати. К примеру, во второй части «Чтений Московского общества истории и древностей российских» за 1866 год напечатана статья М. И. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже», излагавшая эту версию на основании местных преданий. Однако известный знаток Поволжья П. И. Мельников (Андрей Печерский) в 1867 году в историческом очерке «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» категорически отверг такое предложение. В частности, он писал: «Во второй книжке “Чтений Общества Истории и Древностей” 1866 года напечатана статья г. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже». В ней сказано, что эта Варвара Мионовна была ни кто иная, как дочь императрицы Елизаветы. На месте действительно ходит такой слух в народе, но Варвара Мионовна ничего общего с княжной Таракановой не имеет».

Дискуссия о личности монахини Аркадии фактически не состоялась; до настоящего времени традиционно считается, что истинная княжна Тараканова, принявшая постриг с именем Досифеи, проживала в московском Ивановском женском монастыре, скончалась в 1810 году и была погребена в Новоспасской мужской обители – родовой усыпальнице Романовых.

Сейчас можно лишь предполагать, кем в действительности являлась монахиня Аркадия, какие тайны она унесла с собой в могилу. К сожалению, в 1952 году при создании Горьковского водохранилища исторический Пучеж (к тому времени уже входивший в состав Ивановской области как город) был затоплен. Место последнего упокоения монахини Аркадии сейчас скрыто волжскими водами. Очерк впервые был опубликован в журнале «Костромские епархиальные ведомости» № 5 за 2008 г. В данной публикации мы дополняем примечания и иллюстрируем текст фотографиями, выполненными В. Н. Кларком в 1908 году по заказу Костромского научного общества специально к рукописи Л. Г. Гардера, как уже опубликованными, так и не вошедшими в вышеуказанный журнал.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ТАИНСТВЕННОЙ ПУЧЕЖСКОЙ СТРАННИЦЫ ВАРВАРЫ МИРОНОВНЫ НАЗАРЬЕВОЙ ИЛИ ИНОКИНИ АРКАДИИ

В посаде Пучеж Юрьевецкого уезда Костромской губернии, где я прожил около 15 лет – с 1896 по 1910 год, занимая должность управляющего удельным имением – в первые же годы пребывания здесь меня заинтересовала таинственная личность Варвары Мироновой, о которой пучежане рассказывали много интересного и могила которой находилась в ограде Воскресенской Пушавинской церкви.²

Церковь эта красивой старинной архитектуры, расположена на берегу реки Волги и окружена каменной оградой с двумя башнями по берегу Волги и двумя каменными палатками по улице посада, была до 1764 года мужским монастырем, упраздненным, как и многие другие, в начале царствования императрицы Екатерины II-й.

*Виды Воскресенской церкви, что на Пушавке
Фотографии В. Н. Кларка. 1908 г. Пучеж*

² Воскресенская церковь посада Пучежа имела два каменных храма: летний в честь Воскресения Христова, построенный в 1717 году (когда на этом месте находился Пушавинский мужской монастырь), и зимний в честь Рождества Пресвятой Богородицы (точное время постройки неизвестно, был перестроен в 1799 году).

На указанной могиле, расположенной у наружной стены правого придела летнего храма этой церкви, под невысоким на 4-х кирпичных столбах железным навесом стоит каменная гробница со следующими надписями.

С лицевой стороны: «Под сим камнем покоится прах рабы Божьей инокини Аркадии³, скончавшейся 1839-го года Генваря 22 дня». С другой, обращенной к стене храма стороны: «Инокиня Аркадия проживала в посаде Пучеж при Пушавинской церкви 50 лет, скрыв настоящее свое звание и род, а называлась Варварою Мироновой Назарьевой, житияж ея сколько было остается неизвестно».⁴

Такая таинственная надпись и то уважение, с которым связана была у пучежан память о Варваре Мироновой, побудили меня заняться собиранием материалов для определения этой загадочной личности.

Прежде всего я обратился к архиву Воскресенской церкви.

Местный священник Николай Александрович Свирский дал мне следующую справку.

В метрических книгах, находящихся при Воскресенской церкви посада Пучежа за 1839 год, месяца генваря 22-го числа под №1 женска рода записано: «Двадцать второго числа умерла, погребена двадцать четвертого проживающая посада Пучежа при Воскресенской церкви вдова странница Варвара Миронова 85 лет. Померла от сухотки. Исповедывал и приобщал Воскресенской церкви священник Иоанн Андреев Нащинский. Погребение совершал он же, Нащинский, с диаконом Павлом Егоровым Костеневским, дьячком Григорием Стефановым Предтеченским и пономарем Петром Ивановым Красовским на приходском кладбище».

На основании данных надгробной надписи и указанной метрики видно, что Варвара Миронова родилась в 1754 году, а поселилась в Пучеже в 1789 году в возрасте 35 лет.

Из того же архива Воскресенской церкви я извлек следующие сведения о Варваре Мироновой Назарьевой.

³ Следует помнить, что термины «инокиня» и «монахиня» в описываемое время принципиально не различались; то, что героиня очерка была именно монахиней, а не инокиней в современном понимании этого слова, подтверждается записью в церковном синодике (см. текст очерка далее).

⁴ Надписи приводятся с сохранением точной их орфографии. – Прим. авт.

*Гробница инокини Аркадии в ограде Воскресенской церкви на Пушавке
Фотография В. Н. Кларка. 1908 г. Пучеж*

Здесь имеются три указа Костромской консистории 1796, 1804 и 1827 года, в которых упоминается об этой таинственной личности.

Из первого указа видно, что Варваре Мироновой на основании письма С[анкт]-Петербургского митрополита Гавриила⁵ разрешено было Костромским епископом Павлом⁶ построить дом в ограде Воскресенской церкви, в котором она и жила. Рассматриваемым указом разрешалось Варваре Мироновой, согласно ее просьбе, выстроить там же при церкви другой, богадельный дом или, говоря словами указа, «кельи» для приема на жительство женщин, которых Варвара Миронова хотела бы призывать. По-видимому, у Варвары Мироновой была мысль учредить при Воскресенской церкви женскую монастырскую общину, что подтверждается из текста следующего указа, в котором упоминается о каменных кельях. В указе 1804 года Костромским епископом Евгением⁷ разрешается строить вокруг Воскресенской церкви каменную ограду вместо пришедшей в ветхость деревянной с двумя кельями по западной стороне и, между прочим, предписывается священно-церковно-служителям обстоятельно донести, какие, с какого времени и для чего здесь в ограде живут женщины, кем и когда построены для них кельи. Каменная ограда вокруг церкви с упомянутыми кельями с западной стороны и двумя башнями с восточной на берегу Волги была построена и существует до сих пор, только кельи лет 25 тому назад переделаны были в кладовые. Ограда эта являлась капитальным сооружением, и вряд ли оно выполнено было исключительно на средства бедного прихода. По-видимому, дело здесь не обошлось без Варвары Мироновой, которая сумела найти для этого сооружения средства. Предположение, что у Варвары Мироновой была мысль об открытии при Воскресенской церкви женской обители, основывается еще на том, что за 5 лет до ходатайства о постройке каменной ограды с кельями

---

⁵ Гавриил (Петров; 1730-1801) – архиепископ Санкт-Петербургский и Ревельский (1770-1775), архиепископ (с 1783 года митрополит) Новгородский и Санкт-Петербургский (1775-1799); в 1800 году, являясь митрополитом Новгородским и Олонецким, уволен на покой.

⁶ Павел (Зернов; 1742-1815) – епископ Костромской и Галичский (1778-1800), скончался в сане архиепископа Казанского и Симбирского.

⁷ Евгений (Романов) – епископ Костромской и Галичский (1800-1811), скончался в 1811 году.

в ограде Воскресенской церкви найдено было нетленное тело одного из монахов бывшего здесь монастыря, у которого совершались чудеса. Возможно поэтому, что мысль об основании обители связывалась у Варвары Мироновой с предположением о прославлении открытых мощей.

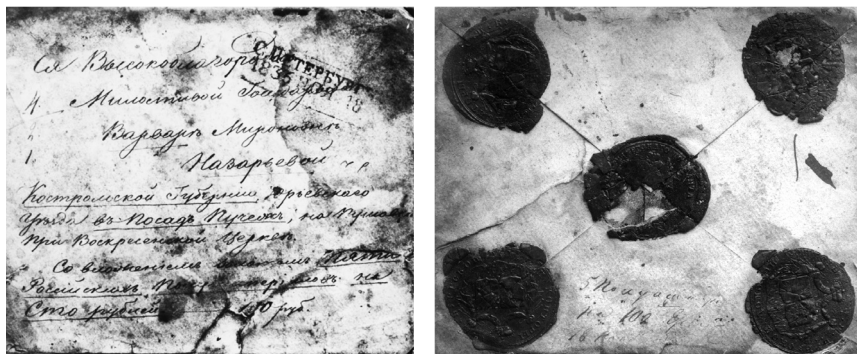
В последнем указе 1827 года епископом Костромским и Галичским Самуилом⁸ разрешалось дом, в котором жила Варвара Миронова с двумя девицами, в случае кончины ее предоставить в собственность этих девиц с позволением им, в случае ухода их в монастырь, дом этот продать и деньги обратить в свою пользу. Такое разрешение, как поясняется в указе, дается потому, что дом этот или келья строена иждивением его сиятельства князя Грузинского⁹ специально для Варвары Мироновой. Мало того, в том же указе разрешается Варваре Мироновой принять в свой дом, если пожелает, кого-либо из лиц женского пола для надзора за названными девицами.

Из всего сказанного в указах о Варваре Мироновой видно, что личность эта была, по-видимому, не из заурядных, и что какие-либо исключительные условия ее происхождения или положения в обществе могли привести к тому, что ей разрешено было не только самой жить в собственном доме в ограде приходской церкви, но и выстроить здесь другой дом для общежития женщин и девиц.

В 1902 году мне удалось найти в Пучеже конверт от денежного письма из Петербурга на имя Варвары Мироновой Назарьевой. На лицевой стороне конверта имеется следующая надпись: «Ея Высокоблагородию Милостивой Государыне Варваре Мироновой Назарьевой, Костромской губернии, Юрьевского уезда, в посаде Пучеж на Пушавке при Воскресенской церкви. Со вложением золотом пяти Российских Полуимпералов на сто рублей 100 рублей». Направо сверху находится почтовый штемпель: «С[анкт]-Петербург 1836 ноя[бря] 18».

⁸ Самуил (Запольский-Платонов; 1772-1831) – епископ Костромской и Галичский (1817-1830), в 1830 году по болезни был уволен на покой в Николо-Бабаевский мужской монастырь.

⁹ Князь Георгий Александрович Грузинский (1762-1852) был предводителем дворянства Нижегородской губернии в 1795-1798 и 1807-1829 годах. Л. Г. Гардер (в опущенном в данной публикации фрагменте очерка) предполагал, что ходатайство В. М. Назарьевой за князя (см. далее в тексте), если таковое имело место, относилось к концу XVIII – началу XIX веков.

Лицевая и оборотная стороны конверта. Фотография. Нач. XX в.

На другой стороне конверта имеется 5 печатей. Средняя – С[анкт]-Петербургского почтамта и 4 остальные по углам с гербом. От времени печати сильно разрушились, но тем не менее на них можно разобрать следующие атрибуты герба. Горностаевая, подобранная на двух верхних углах мантия, увенчанная окаймленной сверху точками короной. На мантии два щита. На правом щите изображены два креста, звезда, сердце с крестами и птица, на левом – ключ и копие.

По окружности герба имеется надпись: «С[анкт]-Петербургской домовой конторы».

Герб этот есть соединенный герб князя Виктора Павловича Кочубея и жены его Марии Васильевны Васильчиковой.¹⁰

В 1903 году, когда открыты были мощи преподобного Серафима Саровского, мною приобретен был в Пучеже принадлежавший Варваре Мироновой большой поясной портрет Серафима, написанный по преданию по заказу ее с натуры во время поездок в Саровскую пустынь. Варвара Миронова была современница Серафима Саровского.

В 1902, 1903 и 1904 годах мне удалось собрать в посаде Пучеже следующие сведения о таинственной страннице Варваре Мироновой

¹⁰ Кочубей, Виктор Павлович (1768-1834) – российский дипломат и государственный деятель; Кочубей (урожденная Васильчикова), Мария Васильевна (1779-1844) – его супруга.

от местных пучежских старожилов, или лично знавших ее, или слышавших рассказы о ней от современников и близких к ней людей.

Пучежский мещанин Федор Дмитриев Раков, более 80 лет от роду, помнит Варвару Миронову еще живой. Он слышал от родителей своих, что Варвару Миронову часто навещал в Пучеже князь Грузинский из села Лыскова, Нижегородской губернии, где было его имение. Он очень любил Варвару Миронову. Особенно дорогой она ему стала после того как, благодаря заступничеству ее перед государем, князь избавился от ссылки в Сибирь, которая угрожала ему за укрывательство в своей усадьбе каких-то преступников. По просьбе князя, Варвара Миронова ездила будто бы в Петербург, получила здесь доступ ко двору и была представлена государыне, которую просила о помиловании князя. Государыня приняла ее, по словам Ракова, очень ласково, но сказала, что она не в силах исполнить ее просьбу и что о князе надо просить самого государя. Затем государыня представила Варвару Миронову государю, и они вместе на коленях умоляли государя помиловать князя, после чего государь действительно помиловал князя Грузинского, приговоренного уже к ссылке.

Князь Грузинский Георгий Александрович был очень религиозный человек. Посещая Пучеж, он много жертвовал на церкви Воскресенскую Пушавинскую и Нагорную Преображенскую. Тот же князь хоронил Варвару Миронову после кончины ее. Раков видел эти похороны и поражен был пышностью их, которая происходила от массы духовенства.

Кто была Варвара Миронова, по словам Ракова, никто не знал, но все были убеждены, что она если не царского, то, во всяком случае, очень высокого происхождения.

При общении к ней чинов местной полиции она показывала им какую-то золотую грамоту, которая производила магическое действие. Чины преклонялись и прекращали всякие расспросы.

Приехал как-то в Пучеж один из новых костромских архиереев и сначала остался очень недоволен, что в ограде приходской церкви живут какие-то женщины. Однако, побывав в келье у Варвары Мироновой, архиерей совершенно успокоился и, выходя оттуда, низко кланялся и усердно благословлял таинственную обительницу ее.

Раков помнит Варвару Миронову уже старушкой. О поездке ее в Петербург рассказывал ему дедушка его. Она ездила ко двору, по-видимому, в молодости, в первое время пребывания своего в Пучеже. Старица, по словам Ракова, вела благочестивую жизнь: усердно молилась Богу, помогала бедным, со всеми была ласкова и никогда не пропускала церковных служб. Недовольна она бывала лишь на мальчишек, в числе которых был и Раков, за их неумеренный перезвон в колокола на Святой неделе. Келья старушки находилась вблизи колокольни, почему усиленный звон должен был действительно надоедать ей.

Крестьянин деревни Родинки Горбунихинской волости Юрьевоцкого уезда Семен Александров Большаков рассказал следующее. Он помнит Варвару Миронову старушкой. Кто она была, неизвестно, но говорят, что из царского рода. Говорят в то же время, что она была фрейлиной императрицы Екатерины II-й и участвовала с ней в поездке по Волге (в 1767 году).¹¹ Во время этой поездки ей приглянулся посад Пучеж. Поэтому впоследствии, когда ей надо было уйти в ссылку, она просила, чтобы ей позволили поселиться в названном посаде. Старица Варвара ходила, как помнит Большаков, всегда в белом платье. Последнее время, вследствие старости и слабости сил, она не могла ходить в церковь, и ее водили туда под руки.

Навещал Варвару Миронову часто князь Грузинский из села Лыскова, въезжая обыкновенно прямо с набережной Волги в особые, специально для этого устроенные в южной стене церковной ограды ворота.

Слепая 85-летняя старушка из пучежской городской богадельни Ирина Семеновна Калашникова рассказала следующее. Будучи еще молодой девушкой, она вместе с подругами навещала Варвару Миронову в келье в ограде Воскресенской церкви.*

Варвара Миронова всегда любезно принимала девушек и поила их чаем. На расспросы о ней она говорила, что происхождения она высокого, жила раньше при дворе императрицы Екатерины Алексеевны, но ей почему-то надо было уйти, и она ушла тайным образом. Долго ее искали, но безуспешно. Много после того ей пришлось

¹¹ Путешествие императрицы Екатерины II по Волге состоялось со 2 мая по 16 июня 1767 года.

постранствовать; во многих монастырях она побывала; была и в святом Иерусалиме, но лучше Пучежа места не нашла, почему здесь и поселилась. «Так, видно, Богу угодно было», – прибавляла она. Настоящее имя свое она скрывала и говорила, что прозвали ее Варварой Мироновой Назарьевой. Не говорила Варвара Миронова и про то, что она инокиня Аркадия. Об этом узнали лишь после ее смерти.

Показывала Варвара Миронова иногда посещавшим ее девушкам свой паспорт, но они как неграмотные ничего не могли разобрать в нем. Помнит Калашникова только, что он написан был золотыми буквами. Ходят слухи, что настоящее имя Варвары Мироновой было Феодора. Варвара Миронова, по словам старушки, ездила однажды из Пучежа в Петербург ко двору. И вот по какому делу. При копании рва (в 1799 году) во время расширения зимнего храма заречной Воскресенской церкви (бывшей раньше, как сказано выше, мужским монастырем) нашли гроб с нетленным телом, которое принадлежало, по преданию, известному своей благочестивой жизнью, давно умершему иеромонаху Иакову. Пока гроб стоял открытым, к нему стекалось много народа, и многие по молитвам угодника Божия получили исцеление от болезней (список исцеленных лиц находился в 1910 году в архиве Воскресенской церкви). Несмотря на это, распоряжением епархиальной власти найденное тело было снова предано земле. Тогда пучежане изготовили прошение государю императору о прославлении обретенных мощей и о причислении иеромонаха Иакова к лику святых.

Прошение это взялась подать государю Варвара Миронова, для чего и поехала в Петербург. Здесь она принята была государыней Марией Феодоровной. Государыня встретила ее ласково, сказав: «Как я рада тебя видеть, долго мы тебя тщетно искали, ты наша страдальница, наша молитвенница».

В избытке чувств государыня преклонялась будто бы перед Варварой Мироновой и целовала ее. Она познакомила ее со своими детьми, на славу угостила ее и щедро одарила подарками.

Видеть государя Варваре Мироновой не удалось, потому что его не было в то время в столице – он лечился за границей. Вернувшись в Пучеж, Варвара Миронова показывала посещавшим ее келью девушкам царские подарки.

Просьба пучежан о прославлении мощей осталась неисполненной. По распоряжению епархиальной власти, как сказано выше, найденное нетленным тело было снова предано земле.

О поездке Варвары Мироновой ко двору по делу князя Грузинского Калашникова ничего не знала. Однако, по словам ее, князь Георгий Александрович Грузинский был очень расположен к Варваре Мироновой и часто навещал ее в Пучеже. Он выстроил ей новую келью и постоянно оказывал денежную и материальную помощь. До постройки нового дома Варвара Миронова жила в той же церковной ограде, в какой-то маленькой лачуге, вроде бани. Когда новая келья была построена, – продолжала рассказ Калашникова, – осматривать ее приезжал какой-то генерал из Петербурга. «Начальство мое приехало», – говорила Варвара Миронова пучежанам про приезжего генерала.

Экономкой у Варвары Мироновой была некая Парасковья Артамонова Бушуева, не пучежанка. Она пережила свою госпожу на 14 с лишком лет и погребена в ногах ее. Хоронил Варвару Миронову князь Грузинский. Похороны были пышные.

На вопрос мой, не осталось ли после Варвары Мироновой каких-либо вещей, Калашникова сказала, что не знает, но думает, что что-нибудь имеется у духовенства Воскресенской церкви. После смерти Варвары Мироновой Парасковья Артамонова продолжала жить в келье своей госпожи и передавала будто бы некоторые вещи духовенству названной церкви. Был у странницы Варвары в келье чудотворный образ Спасителя, но его, как вспоминает Калашникова, кому-то продали по смерти ее и деньги положили в церковь. Желая [р]оверить принадлежность Варваре Мироновой указанного выше портрета преподобного Серафима Саровского, я спросил Калашникову, не помнит ли она, был ли в келье у Варвары Мироновой большой портрет Серафима Саровского. Калашникова отвечала, что она припоминает портрет батюшки. Батюшка изображен был на нем в зеленой эпитрахили. Действительно, эпитрахиль на моем портрете зеленого цвета.

По словам Калашниковой, матушка Варвара была очень религиозна, посещала постоянно богослужения и вела строгую святую жизнь, за что пользовалась всеобщим уважением. По внешности

своей она отличалась стройностью и красотой. Калашникова думает, что она была дочь императрицы Екатерины Алексеевны.

Варвара Миронова обладала духом прозрения будущего. «Она предсказала мне, – продолжала Калашникова, – что я последние 20 лет жизни проведу в слепоте. И вот, сударь ты мой, слепая уже 19-й год. Видно, скоро умру». Калашникова после этого действительно скоро умерла (12 декабря 1905 года).

Покойному ныне земскому начальнику 2-го участка Юрьевецкого уезда, местному помещику Николаю Тимофеевичу Власову, передавал покойный же пучежский купец Иван Денисович Носов, что в Пучеже под именем Варвары Мироновой проживала царская дочь, но об этом запрещено было говорить. После смерти Мироновой, говорил Носов, приезжали из Петербурга какие-то чиновники, опечатали принадлежавшие ей вещи и увезли с собой в Петербург. Те же чиновники производили в Пучеже формальное дознание с опросом местных жителей, какие толки ходили в Пучеже о личности покойной и не известно ли было кому, кто на самом деле скрывался под именем Варвары Мироновой.

Так как цель этого дознания была ясна – узнать, не подозревает ли кто царственного происхождения покойной, то все, опасаясь ответственности, в один голос говорили, что совершенно не знают, кто была Варвара Миронова.

Крестьяне ближайших к Пучежу деревень Окулихи и Мальчинской передавали мне, что старики их говорили, будто бы Варвара Миронова, когда была еще в силах, любила ходить летом в поле, смотреть на полевые работы. Иногда она брала у баб серп и жала, говоря при этом, что хоть она и княгиня, но жать умеет. По словам одной старушки из прилегающей к Пучежу деревни Желобенки, покойная Парасковья Артамонова, которую она часто навещала, говорила, что настоящее имя матушки Варвары Мироновой было Анна.

Жившая в 1903 году в Пучеже старушка Клеопатра Евграфовна, 82 лет от роду, рассказала мне следующее.

Будучи еще девочкой, она хаживала в келью к Варваре Мироновой, которая была тогда древней старушкой, не владевшей уже ногами, так что в расположенную рядом с кельей церковь ее носили в кресле. Одевалась она во все белое. Старушка была красивая,

среднего роста с овальным лицом, покрытым на щеках крапинками, и очень, очень добрая.

Она никогда не отпускала от себя приходивших к ней девочек без гостинцев. Кто она была, неизвестно. Клеопатра Евграфовна слышала только от своих родителей, что Варвара Миронова была высокого происхождения и имела доступ ко двору.

Дедушка Клеопатры Евграфовны, служивший сначала по винным откупам, а под старость ведший уединенную, благочестивую жизнь, жил последние годы в северной башне ограды Воскресенской церкви. Он хорошо знал Варвару Миронову. Хаживала Варвара Миронова и к родителям Клеопатры Евграфовны. Еще хорошо знаком был с матушкой Варварой покойный диакон Воскресенской церкви Костеневский.

Вообще же таинственная странница вела очень уединенную жизнь и мало с кем была знакома. Из посторонних приезжал к ней довольно часто князь Грузинский из села Лыскова со своей женой. Приезжал он на похороны Варвары Мироновой. Сама она [Клеопатра Евграфовна] на похоронах по случаю болезни не была.

У странницы Варвары Мироновой было несколько горничных. После смерти ее они остались жить в ее келье. Одна из них, Парасковья Артамонова, прожила после своей госпожи довольно долго и погребена в ногах ее.

Пучежский мещанин Иван Иванов Парфенов, 85 лет, рассказал мне следующее. Он помнит странницу Варвару Миронову. Она была высокого происхождения. Была женой принца или короля. Его дедушка говорил ему, что именем Варвары она назвалась потому, что начала свою странническую жизнь в день великомученицы Варвары. Придя в Пучеж, Варвара Миронова поселилась сначала в бывшей над святыми воротами ограды Воскресенской церкви деревянной келье, а потом уже перешла в нарочно для нее выстроенный в ограде дом.

Варвару Миронову навещали, по словам Парфенова, высокопоставленные лица из столицы, но чаще всех приезжал Егор – князь лысковский. К Варваре Мироновой за ее благочестивую жизнь все относились с большим уважением. Внимание к ней было такое, что на Святой неделе сплошной звон в Воскресенской церкви

прекращали в те часы, когда она спала, чтобы звоном этим не беспокоить ее. Паспорт у странницы Варвары написан был золотыми буквами. Чины полиции, разговаривая с ней, низко преклонялись. Станница, припоминает Парфенов, любила тараканов. В келье ее было много тараканов. Она нарочно прикармливала их. Смешает, бывало, муку с отрубями и рассыплет по полу. Тараканов набегит тьма-тьмушая, и подымут они сильный шум.

Жена пучежского городского головы, мещанина Михаила Егоровича Кривоносова, Дария Аверкиева, рассказала мне следующее. Дедушка ее Александр Гаврилович Груздев, родом из села Катунки, был крепостным человеком князя Е. [т.е. Егора, Георгия – Прим. автора публ.] А. Грузинского и служил бурмистром в катунской вотчине князя. По поручению князя, жившего обыкновенно в лысковском имении, Груздев следил за проживающей в Пучеже, в ограде Воскресенской церкви, старицей Варварой Мироновой Назарьевой. Он снабжал Назарьеву провизией и деньгами, доставлял в год по 10 фунтов чаю и по 2 пуда сахару. Кроме личных поездок к Варваре Мироновой, Груздев получал о ней сведения от приезжавшего к нему в Катунки кучера старицы, крестьянина деревни Окулихи Осипа. Зимой 1839 года Варвара Миронова серьезно занемогла. Беседа с Груздевым в его последнюю поездку в Пучеж, она сказала ему: «Долго я не проживу, скоро умру, о смерти моей узнаешь ты от Осипа. Он приедет в Катунки».

Действительно, 22 января днем приехал в Катунки Осип. Увидев его, Груздев понял, что матушка Варвара, как все ее звали, скончалась, и не ошибся. Осип привез ему эту самую весть.

Александр Гаврилович сейчас же поехал в Пучеж. Войдя в келью Мироновой, он увидел ее уже обмытой и одетой на столе. Скоро пришел причт служить панихиду. Пока священнослужители одевались, экономка покойной Парасковья Артамоновна вынесла из спальни обвязанный ленточкой сверток бумаги и, передавая его Груздеву, сказала: «Это матушка Варвара велела передать тебе, Александр Гаврилович». Груздев развернул бумагу и изумился, а вместе с ним изумились и все окружающие его лица. Сверток оказался напечатанной золотыми буквами грамотой, которая гласила, что покойная была не Варвара Миронова Назарьева, а инокиня

Аркадия. Тогда духовенство стало служить панихиду об инокине Аркадии, впервые назвав покойную этим именем. Куда делась эта грамота – неизвестно. После погребения инокини Аркадии Груздев отправился в Лысково и увез с собой стоявший в келье покойной очень чтимый в Пучеже чудотворный образ Нерукотворного Спаса. Сначала священник не хотел отдавать образ Груздеву, желая оставить его в Воскресенской церкви, но когда Груздев дал ему 25 рублей, то образ был отдан Груздеву (совпадает с рассказом Калашниковой о том, что образ был продан). Когда князь узнал, что приехавший Груздев привез ему образ Спасителя из кельи покойной Варвары Мироновой, то чрезвычайно обрадовался, позвал Груздева к себе в кабинет, велел принести туда ящик с образом и здесь лично вскрыл его. Увидев образ, князь прослезился от радости. «Этот образ для меня очень дорог, – сказал князь, – с ним связано у меня много воспоминаний...»

В настоящее время образ этот находится, как передавал мне пучежский городской голова Кривоносов, в соборном храме села Лыскова¹², под которым в фамильном склепе погребен и сам князь Е. А. Грузинский, скончавшийся 15 мая 1852 года, 90 лет от роду.

Показания пучежских старожилов интересны тем, что, несмотря на большой промежуток времени, отделявший рассказчиков от таинственной странницы инокини Аркадии (63-65 лет), несмотря на то, что рассказчики были из разных мест и спрашивались мною в разное время, все они за небольшими вариантами говорили почти одно и то же про Варвару Миронову, а именно, что она была царская дочь, необыкновенно добра, весьма религиозна, вела строгую благочестивую жизнь и пользовалась всеобщей любовью и уважением и особенно расположением к себе князя Грузинского. Про Варвару Миронову все в Пучеже знают. Память о ней обвеяна каким-то благоговением. 4-го декабря в день великомученицы Варвары и 22 января – день смерти таинственной странницы – пучежские благочестивые жители постоянно служат панихиды на могиле Варвары Мироновой.

На прозорливость инокини Аркадии указала мне в своем рассказе слепая старушка Калашникова, но и другие жители посада, говоря о Варваре Мироновой, всегда старались подчеркнуть ее способность

¹² Спасо-Преображенский собор села Лысково (ныне – город в Нижегородской области), построенный в 1711 году.

прозрения будущего и в то же время ее заботы о Пучеже не только при жизни, но и по смерти.

У жителей заречной части посада, где находится Воскресенская церковь, сложилось предание, будто бы Варвара Миронова предсказала безопасность от огня этой части посада, пока могила ее будет находиться при Воскресенской церкви. Заречные жители твердо верят, что пожаров у них не будет; и действительно, в то время, когда соборная часть Пучежа несколько раз выгорала почти сплошь (за мое пребывание однажды сгорело сразу 1 ½ квартала и более десятка жилых домов), в заречной части не было ни одного крупного пожара.

Рассказывая о Варваре Мироновой, мне говорили, что у нее было много книг, мне говорили, что у нее было много книг, которые после смерти ее разошлись по рукам посадских людей.

В последние годы жизни в посаде, когда я заведовал местной библиотекой, мне удалось собрать у жителей посада несколько старинных книг, принадлежавших, как говорили, Варваре Мироновой, и поместить их в названную библиотеку. Книги эти были преимущественно духовного содержания.

Несколько икон из кельи Варвары Мироновой находятся в Воскресенской церкви, которая вообще изобилует стариной, интересной для изучения археолога.

В ограде Воскресенской церкви мне показывали место, где стояла келья Варвары Мироновой. Келья эта в скором времени после смерти ее куплена была владельцем Пучежской льнопрядильной фабрики У. Сенькова¹³ и переделана в одно из фабричных зданий. Только незадолго до моего приезда в Пучеж здание это за ветхостью было разобрано. В настоящее время никаких признаков дома на этом месте нет, только на лужайке между храмами у восточной стены ограды стоит роскошная старая береза, под сенью которой, по словам старожил[ов], расположена была келья таинственной странницы.

В 1910 году перед отъездом из Пучежа мне пришлось видеть синодик пучежской соборной Преображенской церкви¹⁴. В синодике

---

¹³ Так в тексте.

¹⁴ Преображенский собор посада Пучежа имел два каменных храма: летний в честь Преображения Господня, построенный в 1779 году, и зимний во имя святителя и чудотворца Николая, построенный в 1776 году.

этом записан, между прочим, следующий род графини Анны Егоровны Толстой, дочери князя Георгия Александровича Грузинского: монахиня Аркадия, князь Георгий, княгиня Варвара, князь Иоанн, граф Петр и графиня Мария.

Некоторые сведения о Варваре Мироновой и князе Грузинском мне удалось добыть в местной пучежской библиотеке и у председателя Нижегородской ученой комиссии А. Я. Садовского¹⁵ в гор[оде] Нижнем Новгороде. Граф М.Д. Бутурлин¹⁶, вотчина которого находится в Порздневской волости Юрьевецкого уезда в 40 верстах от Пучежа, пишет: «Александр Алексеевич Миронов передавал мне, что местная полиция обязана была в то время ежегодно извещать Министерство внутренних дел об одной престарелой таинственной женщине, проживавшей в посаде Пучеже Юрьевецковольского уезда и получавшей ежегодные пособия из Петербурга, но никаких других сведений я не имею, кроме того, что в 1845 году она была еще жива». В примечании под этим текстом говорится: «Лет пять или шесть назад, когда печаталось много о княжне Таракановой, я где-то вычитал, что слух о какой-то дочери Елизаветы Петровны существовал в Пучеже. Не относится ли он к упомянутой мною таинственной особе? Если так, то ей было в 1845 году по малой мере 90 лет».¹⁷

Если, говоря о таинственной женщине, граф Бутурлин имел в виду Варвару Миронову, то приведенное им указание, что женщина эта в 1845 году была еще жива, противоречит как имеющейся на описанной выше гробнице дате о смерти инокини Аркадии в 1839 году, так и упомянутой выписке из метрических книг Воскресенской церкви. Так как по смерти инокини Аркадии в Пучеже продолжала жить экономка ее Парасковья Артамоновна Бушуева, то можно думать, что, говоря, что таинственная женщина была еще в 1845 году жива, Бутурлин смешивал ее с названной Бушуевой.

Во всяком случае, говоря о таинственной женщине, живущей в Пучеже, граф Бутурлин, без сомнения, имел в виду Варвару

¹⁵ Садовский, Александр Яковлевич (1850-1926) – историк и краевед, председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (1909-1918).

¹⁶ Бутурлин, Михаил Дмитриевич (1807-1876) – историк и писатель.

¹⁷ Записки графа М. Д. Бутурлина 1839-1842 гг. Русский архив, 1897 г., книга 10. – Прим. авт.

Миронову, и приводимый им слух о княжне Таракановой относится к этой самой именно Варваре Мироновой, что видно хотя бы из того, что, по словам Бутурлина, пучежской страннице в 1845 году было не менее 90 лет. На основании указанной выше метрики Варваре Мироновой в 1845 году, если бы она была еще жива, был 91 год от роду(...)¹⁸

Настоящие материалы приготовлены были для печати в предположении, что какой-нибудь историк или любитель старины воспользуется ими при дальнейшем исследовании вопроса, кто скрывался в действительности в Пучеже под именем Варвары Мироновны и что заставило эту таинственную женщину принять иночество, но не жить в монастыре – а, скрывая и настоящее свое имя и иноческое звание, совершить трудный подвиг одинокой, полной всяких лишений благочестивой жизни при приходской церкви глухого посада Пучежа; была ли она пострижена в монахини добровольно или же была жертвой политической необходимости.

Если под именем Варвары Мироновой действительно скрывалась дочь императрицы Елизаветы Петровны, то не была ли она известной в истории княжной Таракановой¹⁹ (странно показание Парфенова, что всегда чистая, ходившая во всем белом старушка любила тараканов и даже прикармливала их)?

Когда работа по собиранию настоящих материалов была уже закончена, мое внимание обратили на статью М. Семевского «Заметка об одной могиле в посаде Пучеже», помещенную в повременном издании «Чтения при Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» за апрель-июнь 1866 года. В этой заметке историк Семевский описывает на основании личного осмотра в Пучеже могилу Варвары Мироновой и передает предание о таинственной пучежской страннице словами местных старожилов, сохраняя оттенки местной костромской речи.

¹⁸ Опущены биографические сведения о князе Грузинском – обширные, но не имеющие прямого отношения к личности монахини Аркадии.

¹⁹ Могила княжны Таракановой по литературным данным находится в Новоспасском монастыре под Москвой. См. брошюру свящ[енника] Василия Руднева «Подвижница Московского Ивановского женского монастыря инокиня Досифея (княжна Тараканова)». Изд[ание] 2-е. Москва, 1896 год. – Прим. авт.

В художественном изложении маститого историка как живой встает в воображении читателя таинственная личность Варвары Мироновой.

С заметкой этой интересно ознакомиться каждому любителю русской старины.

В данном случае важно то, что пучежские старожилы почти за 40 лет до меня рассказывали Семевскому про Варвару Миронову в сущности то же самое, что и мне, но с большими подробностями относительно самой личности покойной, что и понятно, потому что в то время рассказчики отделены были от Варвары Мироновой меньшим временем, чем при мне, предание о ней было, так сказать, свежее. Интересно то, что все рассказчики говорили Семевскому в один голос, что пучежская странница Варвара Миронова была не кто иная как дочь императрицы Елизаветы Петровны, т[о] е[сть] вну[чка] Петра Великого, а мещанка из церковной башни называла даже и отца ее, графа Разумовского.

Затем, как видно из «Заметки», Семевский опрашивал не тех лиц, что я, хотя и из моих рассказчиков некоторые были современниками, лично знавшими Варвару Миронову. При этих условиях сходство рассказов еще более интересно, еще более говорит за достоверность народного предания.

В частности, мне переданы были старожилами и такие эпизоды из жизни Варвары Мироновой, о которых в «Заметке» не упоминается, а именно, мне говорили о двух поездках таинственной женщины из Пучежа в Петербург ко двору и об участии ее в хлопотах пучежан о прославлении «святого Иакова».

Есть ли это факты, бывшие неизвестными прежним рассказчиками, или же это есть результаты развившейся с течением времени около имени Варвары Мироновой народной фантазии – решит будущий историк, который, несомненно, раскроет тайну замечательной пучежской могилы».